
Нить пепла
Valery Black
18+

Valery Black

Нить пепла

«Автор»
2026

Black V.

Нить пепла / V. Black — «Автор», 2026

Семь дней до костра. Эйра Вельтрау, ведьма с чёрными волосами и шрамом-спиралью на запястье, уже знает, чем это кончится: пятнадцать лет назад она видела, как на том же поле сожгли её мать.Её допрашивает Каэлан Дорн, лучший дознаватель Святого Трибунала, человек, который никогда не ошибается и никогда не теряет контроль. Но стоит ему коснуться её запястья, как серебро на его руках вспыхивает, а между ними загорается золотая Нить.Теперь они не могут разойтись дальше двухсот шагов. Каждый чувствует боль и желание другого. А если умрёт один, не выживет и второй.Чтобы спастись, им придётся бежать вместе: через Лес Шёпотов, заснеженные перевалы и собственные запреты. Она ненавидит всё, что он олицетворяет. Он больше не уверен, чему служит. И чем ближе они к древнему Сердцу Нити, тем яснее становится: их встреча была не случайностью, а чьим-то расчётом.Кто-то очень давно ждал, когда они коснутся друг друга. И этот человек учил Каэлана молитвам.

© Black V., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Костровое Поле 5
Глава 1. Ночь Допроса 8
Глава 2. Молот 12
Глава 3. Камера 19
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Valery Black
Нить пепла

Пролог. Костровое Поле

Стража пришла за Исольдой Вельтрау в ночь, когда впервые за осень не было дождя.

Эйра проснулась не от стука. Её разбудила тишина. Каждый вечер мама перебирала травы у очага и напевала без слов одну и ту же мелодию, и Эйра засыпала под неё, как под одеяло. Сейчас в доме было так тихо, что слышалось, как остывают угли.

Она приподнялась на лежанке. Мама стояла посреди комнаты с лампой в руке и смотрела на дверь.

— Одевайся, — сказала она. — Быстро. Надень башмаки и не задавай вопросов.

— Мам?

— Эйра.

Голос не стал громче, но девочка вскочила. Двенадцать лет она знала этот тон: так мама говорила, когда в дом приносили раненого и нельзя было терять ни мгновения.

Исольда подхватила её на руки, хотя Эйра уже была слишком большой для этого, и отнесла к задней стене. Там, за сундуком, была узкая дверца погреба. Мама открыла её, поставила дочь на ступеньку и заглянула ей в глаза.

— Ты пройдёшь через погреб, дальше по трубе, она выведет к ручью. Беги к Брите. Знаешь, где её трактир?

— «Три ворона». Мам, а ты?

— Я догоню.

— Ты врёшь.

Исольда на секунду закрыла глаза. Потом поцеловала её в лоб, крепко, до боли, как ставят печать.

— Ты слишком умная для двенадцати. Иди.

В дверь ударили так, что с полки слетели банки. Эйра нырнула в темноту, но дверцу не закрыла до конца и оставила щель шириной в палец. Она видела, как дверь слетела с петель. Как в комнату вошли люди в чёрных плащах, с серебряным солнцем на груди. Как они расступились, пропуская высокого старика в белом.

Он был совсем не страшный. Седые волосы до плеч, бледные глаза, мягкая улыбка, словно он пришёл навестить больную соседку.

— Исольда Вельтрау, — сказал он тихо. — Я Гедеон Марвис, Великий Трибун. Не бойся, дитя. Тебе не причинят боли до рассвета.

— Вы сожжёте меня, — ответила мама.

— Я очищу тебя, — поправил старик. — Это не одно и то же.

Эйра не помнила, как выбралась по трубе. Помнила только, что бежала по мокрой траве вдоль ручья и повторяла одно слово: «Мам, мам, мам», будто оно могло повернуть время вспять.

Семь дней она ничего не ела.

Так велит обычай: приговорённой ведьме дают неделю на покаяние. Исольда провела её в подвале Башни Очищения, а Эйра провела в маленькой комнате над трактиром, где пахло горячим вином с гвоздикой, потому что Брита варила его по ночам, сама не зная зачем, просто чтобы руки были заняты.

Брита была не старой тогда, сорока трёх лет, рыжей, как пламя, с красными руками и громким смехом, которого в эти дни не слышал никто. Она сидела у кровати и держала Эйру за запястье, будто боялась, что та растворится.

— Пойдёшь со мной, — сказала она на седьмой день. — Увидишь. Нельзя не видеть, девочка, иначе потом будешь выдумывать, как это было. А выдумывать хуже, чем помнить.

— Я не хочу.

— Я знаю. Но она хочет, чтобы ты была рядом.

Эйра встала.

По дороге она вспоминала всякие пустяки: как мама учила её отличать полынь от тысячелистника, как смеялась, когда у Эйры загорались уши от стыда, как однажды ночью рассказывала про отца, умершего пять лет назад. Эйра ещё помнила его голос, низкий и немного хриплый, как скрип старой двери. Она держалась за этот голос, как за перила.

Костровое Поле лежало за городской стеной, голая плешь земли, вытоптанная тысячей ног. Посередине стоял столб, а вокруг него уже сложили хворост. Народу пришло много. Люди переговаривались вполголоса, и в этих голосах не было ни ненависти, ни радости, только любопытство и скрытый страх. Эйра заметила в толпе женщину, которой мама зимой вылечила ребёнка. Та стояла, опустив глаза, и крестилась знаком Светоносного.

Брита встала позади и положила тяжёлые ладони ей на плечи.

Гедеон Марвис вышел на помост в белых одеждах, с книгой в руках. Голос у него был негромкий, но разносился на всё поле.

— Народ Вальмора! Мы собрались не из злобы. Мы собрались из любви. Свет един, и тот, кто крадёт его, должен быть очищен огнём, чтобы душа его вернулась к свету. Исольда Вельтрау семь дней имела право раскаяться. Она не воспользовалась им.

Привели маму.

Эйра едва узнала её. Волосы, всегда чёрные и густые, были острижены грубо, неровно. Руки связаны. На ней была серая рубаха, и шла она босиком, прямо, высоко держа голову, как ходила по своему дому. Она искала глазами и нашла. Увидела Эйру. И улыбнулась, словно всё это было странной игрой, которую они вот-вот закончат.

Палачи привязали её к столбу.

— Пусть простятся, — сказал Гедеон.

Брита вздрогнула, и её пальцы на плечах Эйры сжались.

— Это ловушка, — прошептала она. — Не ходи.

Но Эйра уже шагнула вперёд. Стража расступилась перед ней, как вода. Она шла через пустое пространство, и каждый шаг отдавался в ушах, как удар колокола. Мама наклонилась, насколько позволяли верёвки.

— Дай мне руку, — прошептала она.

Эйра протянула левую. Исольда, связанная у запястий, дотянулась до неё кончиками пальцев и сжала. Ровно на один вдох.

Кожу обожгло золотым, острым, как вспышка. Эйра вскрикнула, попыталась отдёрнуть руку, но мама не отпускала, и когда наконец отпустила, на запястье уже закручивалась тонкая спираль шрама, светящаяся, как раскалённая проволока.

— Нить найдёт тебя, — быстро сказала мама, почти беззвучно. — Не бойся её. Не мсти, слышишь? Просто живи. Я прошу.

— Мам…

— Я люблю тебя. Иди.

Эйру оттащили назад. Она не помнила, кто именно, может быть, Брита, может быть, чужие руки. Она видела только, как палач подносит факел.

Огонь не сразу пошёл вверх. Сначала задымил хворост у самых ног. Потом вспыхнул. Исольда не закричала. Она запела. Ту самую мелодию, без слов, которую пела каждый вечер, и

ровный голос поднимался вместе с дымом, пока в нём не появилась трещина, и тогда закричала Эйра.

Она кричала так, что у неё не осталось воздуха. Кричала, пока кто-то не зажал ей рот ладонью, пахнущей гвоздикой и вином. Кричала, когда голос мамы оборвался. Кричала, когда над полем остался один только запах, сладкий и тяжёлый, как жжёный сахар, и она вдруг поняла, что именно так пахнет её мама.

Потом люди начали расходиться.

Эйра не заметила, как осталась одна посреди поля. Брита что-то говорила рядом, но слова не доходили. Кто-то остановился перед ней. Лёгкая рука легла ей на голову, почти ласково.

Она подняла глаза. Высокий старик в белом смотрел на неё сверху вниз, и в бледных глазах не было ни злобы, ни торжества. Только мягкая, чуть печальная заботливость.

— Бедное дитя, — сказал Гедеон Марвис. — Не ненавидь нас. Мы делаем это, чтобы ты жила. Беги. Ты ещё понадобишься свету.

Он убрал руку и ушёл, не оглядываясь.

Эйра побежала. Не к Брите, а прочь, вслепую, через толпу, через вытоптанную землю, через дым. Споткнулась о чьи-то сапоги и упала бы, но её подхватили. Сильные, холодные руки поставили её на ноги, и она увидела чёрный плащ, серебряное солнце на груди и серебряные браслеты на запястьях. Юноша лет девятнадцати, бледный до синевы, с тонким шрамом над бровью, смотрел не на неё. Он смотрел на огонь, и по лицу его, как ни странно, текли слёзы.

Он выпустил её, как выпускают раненую птицу, и отвернулся.

Эйра не запомнила его лица. Только запах холодной стали. И то, что он плакал, хотя носил знак тех, кто убил её мать.

Через пятнадцать лет этот человек назовёт её по имени в Башне Очищения, и всё начнётся снова.

Глава 1. Ночь Допроса

В Ночь Угасших Свечей весь Кастельвар гасил огонь. Только в Башне Очищения огонь горел.

Эйра слышала его даже через толстую дверь: ровное, довольное потрескивание факела в коридоре. Она сидела на жёстком стуле, прикованная серебряными кандалами за обе руки, и старалась не смотреть на щель под дверью, где дрожала рыжая полоска света.

Не думай об огне. Думай о том, что у тебя замёрзли ноги.

Ноги правда замёрзли. Башмаки у неё отобрали, а каменный пол в допросной был холодным, как зимний ручей. Но хуже холода было другое. Воздух здесь был серым от серебряной пыли. Её сыпали в жаровни, втирали в стены, подмешивали в побелку, и каждый вдох оставлял на языке металлический привкус. Магия в Эйре, обычно тёплая и текучая, как мёд на солнце, лежала глухо и тяжело, будто колокол, из которого вынули язык.

Она попробовала потянуть Нить. Не ту, что сплетала раны и успокаивала жар: самую простую, ту, что чувствовала чужой пульс. Пальцы только сильнее сжались от боли. Кандалы раскалились на запястьях.

— Отлично, — сказала она вслух, хрипло, пустой комнате. — Просто великолепно.

Голос вышел совсем не таким бодрым, как хотелось.

Её взяли в полдень. Она шла из нижнего города с корзиной корешков для Бриты, когда на узкой улочке из-за угла вышли шестеро в чёрном. Они не кричали и не угрожали. Просто окружили, и тот, что стоял впереди, вежливо сказал: «Эйра Вельтрау? Вы пойдёте с нами». Она узнала бы этот тон из тысячи. Так говорят люди, которым давно не отказывали.

Она всё равно попыталась. Выбила корзиной зубы первому, укусила второго, и если бы они не догадались сразу надеть серебряные браслеты, ушла бы. Но они знали. Они пришли именно за ней, с серебром наготове, будто готовились неделями.

Это и тревожило больше всего. Ведьм сжигали за дело, за слух, за сглаз. Но чтобы вот так, точно, в полдень, на улице, зная имя…

Дверь открылась.

Первым вошёл парень лет девятнадцати: худой, рыжеватый, с оттопыренными ушами и стопкой бумаг, которые он прижимал к груди, как щит. За ним, не торопясь, вошёл второй, и Эйра сразу поняла, что парень тут для украшения.

Высокий. Выше любого мужчины, которого она знала. Чёрный плащ с серебряным солнцем на груди, чёрные перчатки, и ни одной лишней складки: он двигался так, словно каждое движение было заранее обдумано. Светлые, пепельные волосы падали до скул, и от этого лицо казалось ещё жёстче, чем было. Тонкий шрам рассекал левую бровь. Глаза были цвета льда на реке в начале зимы.

И серебро. На обоих запястьях, из-под рукавов, поблёскивали широкие браслеты, старые, потемневшие, с вытравленными знаками. Эйра никогда не видела, чтобы инквизиторы носили такое. Значок Ордена на груди, это понятно, но браслеты…

Он остановился у стола и положил на него тонкую папку.

— Эйра Вельтрау, — сказал он. Голос у него был низкий, ровный, без единой лишней ноты. — Меня зовут Каэлан Дорн. Я Молот Святого Трибунала, дознаватель первого ранга. Это Тобиас Финч, мой оруженосец. Он будет записывать.

— Очень приятно, — сказала Эйра. — Я бы встала, но у меня тут стул привязан.

Тобиас фыркнул и тут же сделал вид, что закашлялся. Каэлан Дорн даже бровью не повёл.

— Я понимаю, что вам неудобно. Если ответите на вопросы, мы снимем кандалы с одной руки.

— Щедро.

— Это не щедрость. Это правило. — Он сел напротив, расстегнул перчатки, положил их на стол. Руки у него были длинные, жёсткие, со старыми белыми шрамами на костяшках. — Вам дали воды?

— Нет.

Он повернул голову. Тобиас вздрогнул и бросился к двери.

— Через минуту будет, — сказал Каэлан, будто не он только что отдал приказ, а сама комната так решила.

Эйра смотрела на него и пыталась понять, где подвох. Она видела инквизиторов. Орущих, багровых, пахнущих луком и потом. Этот пах холодной сталью и кожей, смотрел спокойно и спрашивал, не хочет ли она пить. Пожалуй, он был самым страшным из всех.

Вопросы начались с самого простого.

— Ваше полное имя.

— Эйра Вельтрау.

— Возраст.

— Двадцать семь. Мне ещё рано умирать, как видите.

— Место рождения.

— Кастельвар. Нижний город. Дом был у ручья. Его сожгли, но вы, наверное, в курсе.

Он чуть заметно кивнул и записал что-то в папке сам, не передавая Тобиасу.

— Вы дочь Исольды Вельтрау, казнённой пятнадцать лет назад по обвинению в колдовстве.

Это не был вопрос. Эйра почувствовала, как в груди что-то сжалось, коротко и больно.

— Моя мать лечила людей, — сказала она ровно. — Тех самых, что стояли на поле и смотрели, как она горит.

— Я не обсуждаю приговор. — Он поднял на неё глаза. В них не было ни злобы, ни сочувствия, только внимание, внимательное и бесконечно терпеливое. — Мне нужно знать другое. Сегодня утром в нижнем городе, на улице Скорняков, вы вошли в дом, где болела девочка семи лет. Вы вышли через два часа. Девочка встала с постели. Это правда?

Эйра молчала. Девочку звали Лира. У неё был сильнейший жар, дыхание свистело, губы посинели. Лекарь из храма требовал за визит три серебряных «луча», которых у матери не было.

— Если я скажу «да», вы запишете «ведьма лечит детей» и повесите на меня ещё один приговор?

— Я запишу «да».

— Тогда да.

Тобиас вернулся с кружкой воды и застыл в дверях, не зная, куда её деть. Каэлан молча протянул руку, взял кружку и сам поднёс к её губам. Эйра дёрнулась, потом рассмеялась хрипло, зло.

— Вы серьёзно?

— Руки у вас заняты.

Она хотела отказаться из принципа. Но горло горело от серебряной пыли, а вода была холодной и чистой. Она выпила всю. Он отнял кружку и вернул Тобиасу, не сказав ни слова.

— Спасибо, господин инквизитор, — процедила она. — Вы очень любезны с теми, кого завтра сожжёте.

— Я не говорил, что завтра.

Её пальцы дёрнулись. Сердце ухнуло вниз.

— Приговор не вынесен, — спокойно продолжил он. — По закону вам полагается слушание. После него семь дней на покаяние. Так что не завтра.

— Какое облегчение.

Он посмотрел на неё чуть дольше, чем нужно.

— Вы часто шутите, когда вам страшно?

Эйра застыла.

— Я не боюсь.

— Вы боитесь огня. — Он не повысил голоса. — Вы ни разу не посмотрели на дверь, но каждый раз, когда факел трещит, у вас сжимаются плечи. Вы сидите так, чтобы тень стола закрывала щель под дверью.

Она почувствовала, как кровь отхлынула от лица.

— Вам, видимо, платят за наблюдательность.

— Мне платят за то, чтобы я понимал людей. Тех, кого приводят ко мне. — Он помолчал. — Я не люблю пытки. Они дают признание, но не правду. Я предпочитаю разговор.

— Вы говорите это всем, перед тем как…

— Я говорю это вам.

Тишина повисла между ними, густая и странная. Тобиас перестал скрипеть пером. Где-то за стеной глухо ударил колокол: полночь.

Эйра вдруг поняла, что не может отвести взгляд. В его лице не было ничего мягкого, но в самой этой неподвижной внимательности было что-то такое, чего она не ожидала: он слушал. По-настоящему, до конца, как слушала мама.

Именно это и разозлило её сильнее всего.

— Хватит, — сказала она. — Хотите знать, использовала ли я магию? Да. Исцеляла ли? Да. Знаю ли я других ведьм? Нет, и даже если бы знала, вы бы не услышали. Что дальше? Привяжете к дыбе? Или опять будете предлагать воду?

Уголок его рта дрогнул. Это была не улыбка, только её тень.

— Дальше, — сказал он, — мне нужно осмотреть вашу левую руку.

Эйра похолодела.

— Зачем?

— Стандартная процедура. У осквернённых бывают метки: родимые пятна, шрамы. Мы фиксируем их в протоколе.

Врёт, мелькнуло у неё. Или не врёт. Но почему именно левая?

Она не носила рукавов выше запястья. Шрам-спираль, оставленный той самой ночью на Костровом Поле, был виден всем, кто хотел присмотреться. Но никто не присматривался пятнадцать лет. Кого волновал старый ожог?

— Нет, — сказала она.

— Это не просьба.

Он встал. Подошёл. Эйра вжалась в спинку стула, чувствуя, как серебро врезается в запястья. Он остановился совсем близко. От него веяло холодной сталью и чем-то ещё, едва уловимым: хвоей, может быть, или морозным воздухом. Он снял с неё левый кандал, быстро и бережно, не причинив боли.

Потом взял её руку.

Его пальцы были сухие и тёплые. Эйра ожидала холода, а он оказался тёплым, и это почему-то оказалось страшнее всего. Он перевернул её ладонью вверх, провёл большим пальцем по внутренней стороне запястья, там, где под кожей билась жилка, и чуть нахмурился, увидев спираль.

— Давно?

— С детства.

— Ожог?

— Можно и так сказать.

Он молчал. Смотрел на шрам, и что-то странное мелькнуло в его лице, как тень от облака. Узнавание. Или просто память, которая не хочет назваться.

Эйра хотела что-то съязвить. Не успела.

Спираль вспыхнула.

Сначала слабо, тонким золотым светом, будто кто-то провёл по коже раскалённой иглой. Потом ярче. Золото побежало по линиям шрама, и Эйра ахнула, потому что боль была не просто болью: она была чужой. Горячий узел вины и ярости, и одиночества такого плотного и давнего, что от него кружилась голова.

Это не моё, подумала она. Это не моё, откуда…

Каэлан Дорн дёрнулся, как от удара. Его браслет на правом запястье, тот самый, потемневший, со стёртыми знаками, раскалился докрасна. Эйра услышала шипение: серебро жгло кожу, но он не издал ни звука, только побелел.

И между ними, из спирали на её запястье, прямо к его руке, потянулась тонкая золотая нить.

Она была живой. Она пульсировала, как жилка. Она тянулась от Эйры к нему и обратно, натягиваясь и дрожа, и каждый удар пульса отдавался в голове. Эйра почувствовала его: то, как колотится сердце, как сжалось горло, как внутри, под ровной ледяной поверхностью, что-то лопнуло с тихим, почти слышным хрустом.

Она почувствовала его страх. Не перед ней, а перед тем, что только что случилось.

— Что… — Голос не слушался. — Что вы со мной сделали?

— Я ничего… — Он осёкся. Голос у него впервые дрогнул. — Это не я.

— Отпустите!

— Не могу.

Эйра дёрнула руку. Боль прошила обоих, острая, пополам, и она услышала, как он втянул воздух сквозь зубы. Она не видела, а чувствовала, как его боль накладывается на её собственную, как два эха, которые не могут разойтись.

— Не могу, — повторил он тише, и в этих двух словах было столько растерянности, что Эйра на миг забыла, что он её враг. — Пальцы не слушаются. Я пытаюсь.

Тобиас уронил перо. Оно покатилось по полу.

— Господин Дорн? — голос парня сорвался на писк. — Господин Дорн, она… у неё рука светится!

— Выйди, — сказал Каэлан, не оборачиваясь.

— Но…

— Тобиас. Выйди. И закрой дверь.

Парень вылетел из комнаты. Дверь хлопнула.

Они остались вдвоём. Эйра сидела, не в силах пошевелиться, и смотрела на золотую нить, дрожащую между их руками. Серебряная пыль вокруг неё медленно оседала, словно воздух вдруг стал тяжелее. Магия, которая всё это время лежала глухо, ворочалась, просыпалась, откликаясь на что-то. На него.

Она подняла глаза.

Он смотрел на неё. Лёд в его взгляде треснул, и сквозь трещину проступило то, что он прятал: растерянность, злость и страх, живой, человеческий. Он стоял так близко, что она видела тонкие морщинки у глаз и белую полоску шрама. Он тяжело дышал.

И Эйра вдруг поняла, что в точности знает, о чём он думает. Не словами, а чувством, острым и ясным, как удар колокола: *что со мной происходит?*

— Вы тоже это чувствуете, — прошептала она. — Правда?

Он не ответил. Но его пальцы на её запястье дрогнули и сжались сильнее, и она ощутила это как чужую, но очень знакомую просьбу: *не уходи.*

Нить звенела. Факел за дверью трещал, как далёкий смех. А в допросной, где ещё утром никто не знал её имени, двое людей, которым полагалось ненавидеть друг друга, стояли, не в силах разжать рук.

Глава 2. Молот

Нить погасла не сразу.

Каэлан считал удары сердца. На двадцатом золотой свет на запястье ведьмы начал меркнуть. На тридцатом пальцы наконец послушались, и он разжал руку так резко, что Эйра качнулась вместе со стулом.

Она не упала только потому, что он подхватил её за плечо.

— Не трогайте меня, — выдохнула она.

Голос был слабый. Лицо стало серым, губы побелели. Серебряная пыль, кандал на другой руке и то, что случилось, оказались слишком большим грузом. Глаза у неё закатились, и она обмякла.

Каэлан придержал её голову. Волосы у неё были тяжёлые, чёрные, пахли дымом и сушёной гвоздикой. Он поспешно убрал руку, будто обжёгся.

На правом запястье, под браслетом, пекло.

Он поднял голову к двери.

— Тобиас!

Парень влетел так быстро, что, наверное, стоял под самой дверью. Глаза круглые, лицо в красных пятнах.

— Господин Дорн, что…

— Сними с неё второй кандал. Отнеси в камеру на втором ярусе, где сухо. Дай одеяло и воду. И открой окно: пусть проветрится пыль.

— Но серебряную пыль велено…

— Я велю.

Тобиас сглотнул и кивнул. Он осторожно, как хрустальную, взял ведьму на руки. Она оказалась меньше, чем выглядела на стуле, и Каэлан поймал себя на том, что следит, как болтается её босая нога, и не может отвести взгляд.

— Тобиас.

Парень остановился на пороге.

— Ты ничего не видел.

— Но у неё рука светилась…

— Ты видел, что осквернённая попыталась колдовать, а серебро на мне отозвалось. Так и запишешь. Если спросят, скажешь то же.

Тобиас помолчал. Он был болтлив, неловок и добр, но не глуп.

— Вы мне приказываете соврать, господин?

— Я приказываю тебе записать то, что понимаю сам. — Каэлан услышал, как жёстко прозвучал его голос, и добавил тише: — Пока.

Тобиас кивнул и вышел. Дверь закрылась.

Каэлан остался стоять посреди допросной. Серебряная пыль тихо оседала на стол. Он смотрел на свою правую руку.

Браслеты на его запястьях были старше его самого дара.

Правый назывался «Молчание», левый «Покой». Их надел отец, когда Каэлану было двенадцать. Тогда он не понимал зачем. Он плакал и просил снять, а отец, высокий седой человек с каменным лицом, держал его за плечи и повторял одно: «Так надо. Потом поймёшь». Потом отец умер, а понимания так и не пришло. Каэлан просто привык: к тяжести, к холоду металла, к тому, что мир всегда слышен как сквозь стену.

Сейчас стена дала трещину.

Мастер из Соль-Маре приехал ночью, с закрытым лицом и сундуком, в котором что-то глухо звякало. Каэлан запомнил его руки: чёрные от металла, с обжёгшими кончиками паль-

цев. Мастер не сказал ни слова. Он только раскрыл браслет, как раскрывают раковину, и отец кивнул.

— Это чтобы ты жил, — сказал отец. Он никогда не говорил много. — Придёт время, ты поймёшь.

Серебро легло на кожу, и Каэлан почувствовал, как внутри что-то закрывается, медленно, без щёлка, как дверь, которую прикрывают на цыпочках, чтобы не разбудить спящего. Мир стал тише, глуше и безопаснее. Он тогда ещё не знал, что то, что захлопнулось, называется «я».

Матери к тому времени уже не было. Через три дня её хоронили, и он стоял у гроба в серебряных оковах, и на него смотрели все, и никто не спросил, зачем ребёнку такие украшения. Только Гедеон положил ему руку на плечо и сказал: «Это правильно. Ты сильный мальчик».

Он сдвинул браслет вверх и посмотрел на кожу. Под серебром, на внутренней стороне запястья, краснела тонкая спираль. Свежий ожог, ровный, как выжженный по линейке. Точно такой же шрам, какой он только что видел у неё.

Каэлан медленно опустил рукав.

Нужно уйти отсюда.

Он собрал папку, бумаги Тобиаса, перчатки. Вышел в коридор, и факел у двери треснул ему вслед. Башня Очищения ночью казалась ещё выше, чем днём: чёрный камень, узкие окна-прорези, серебряные решётки, вделанные в стены так, чтобы свет бил в глаза каждому, кто идёт по коридору. Здесь не любили темноту.

Он шёл, и в голове стучало одно: *это ошибка*. Серебро отозвалось на колдовство. Ведьма попыталась воспользоваться силой, он оказался рядом. Реакция металла на магию. Бывает.

Но золотая нить не бывает.

В конце коридора кто-то стоял.

Дариус Вальц ждал у окна, заложив руки за спину, и пламя факела выхватывало из темноты его широкое, обветренное лицо, тёмно-русую бороду и белый шрам на шее, там, где ворот расходился. Молот первого ранга. Сорок восемь лет, двадцать из них на службе. Он всегда ходил так, будто нёс на плечах невидимое бревно.

— Дорн.

— Вальц. — Каэлан остановился в трёх шагах. — Поздно для прогулок.

— Не спится. — Тёмно-карие глаза скользнули по его лицу, по рукам, по манжету. — Допрашивал?

— Закончил.

— Быстро. Ведьма заговорила?

— Подтвердила исцеление. Остальное завтра.

— Завтра, — повторил Вальц, не скрывая досады. — Ты всегда откладываешь на завтра. Дай мне её на час, и к утру у тебя будут имена. Все.

— У меня будут имена, когда она захочет их назвать.

— Она захочет, когда ей станет больно.

— Тогда она назовёт тех, кого вы хотите услышать, а не тех, кто есть. — Каэлан говорил ровно. — Вы потеряли троих невиновных на прошлой неделе, потому что вашему осквернённому нужно было, чтобы боль прекратилась.

Вальц шагнул ближе. Он был ниже Каэлана, но шире, и в узком коридоре это ощущалось.

— Осторожнее. Гедеон любит тебя. Меня он терпит. Но это не значит, что любовь не кончается.

— Это угроза?

— Это дружеское предупреждение. — Вальц улыбнулся, и улыбка у него была неприятная, будто он учился ей по книге. — Ты мягок, Дорн. Рано или поздно это тебя погубит. Или кого-то, кто тебе дорог.

— У меня никого нет.

— Вот именно.

Он ушёл первым, тяжело ступая, и шаги ещё долго отдавались в коридоре. Каэлан смотрел ему вслед, и только когда звук стих, заметил: рука сама прижимает правое запястье, и под рукавом горит так, словно кто-то снова приложил раскалённую проволоку.

Вальц смотрел на манжет, когда спрашивал. Не на лицо. На манжет.

На лестнице он остановился. Нужно было подняться к Гедеону и доложить. Нужно было спуститься вниз, к себе. Нужно было вообще что-то делать. Вместо этого он развернулся и пошёл по длинной галерее, туда, где лестница вела во двор.

Ему нужно было знать.

Двор Очищения был пуст. Ночь Угасших Свечей: весь город сидел по домам с погашенными огнями, и даже стража на стенах говорила вполголоса. В небе висела бледная луна. Под ногами хрустел иней.

Каэлан дошёл до середины двора и стал считать шаги.

Пятьдесят. Сто. Сто тридцать.

Ничего. Он выдохнул. Может быть, всё это ему привиделось. Усталость, бессонница, серебряная пыль…

Сто шестьдесят.

В груди что-то тихо ёкнуло, как будто кто-то потянул за нить, привязанную к его рёбрам.

Сто восемьдесят.

Он остановился. Дыхание сбилось. Он чувствовал её: далеко позади, этажом выше, в сыром каменном мешке. Она спала или была без сознания, и сквозь эту слабость пробивалось что-то тёплое и растерянное, как сны ребёнка.

Сто девяносто.

Рёбра сдавило. Он сделал ещё шаг и пожалел.

Боль ударила так, словно ему вогнали под лопатку холодный клинок. Воздуха не стало. Он согнулся пополам, упёрся ладонями в колени. В глазах потемнело. Где-то на самом краю сознания он услышал, как кто-то застонал, и понял, что это не он. Это она, там, в камере, во сне, и этот стон был отзвуком его собственной боли.

Двести шагов. Он не сосчитал, но кончилось всё именно там.

Каэлан упал на колени. Холодные камни рвали ладони. Нить, невидимая, тянулась через весь двор, через стены, через ярусы Башни, и натягивалась всё сильнее, до звона. Ещё шаг, и она оборвётся или оборвёт его самого.

Он повернулся и пополз назад.

Пятнадцать шагов. Боль отступила, как волна. Двадцать. Он поднялся, держась за стену, и жадно глотал ледяной воздух. Руки тряслись. Лицо было мокрым, и он не сразу понял, что это пот.

Он стоял, прислонившись к камню, и смотрел на луну.

Двести шагов, подумал он холодно и отчётливо, как думал на допросах, раскладывая факты по полкам. *Если отойти дальше, мне будет больно. Ей тоже. Радиус примерно двести шагов. Связь двусторонняя. Источник неизвестен.*

Мысль заканчивалась самой неприятной частью, и он заставил себя договорить: *если её казнят, что будет со мной?*

Ответа у него не было. И это пугало больше боли.

Шаги по камню заставили его выпрямиться. Из тени арки вышел стражник, молодой, с фонарём, и замер.

— Господин Дорн? Вам плохо?

— Нет. — Каэлан одёрнул плащ. Голос вышел ровным, и он мысленно поблагодарил двадцать лет дисциплины. — Проверяю дозор.

— Дозор в другой стороне, господин.

— Я знаю.

Стражник потоптался, явно не решаясь спросить ещё что-нибудь. Каэлан Дорн не был человеком, которому задают вопросы. Он смотрел поверх фонаря, на тёмные окна Башни, и думал: *двести шагов. Не от допросной, не от лестницы. От неё.*

— Свободен.

Стражник поклонился и ушёл, часто оглядываясь.

Каэлан остался один и не стал проверять другие стороны. Он понял главное: куда бы он ни пошёл, радиус остаётся прежним. Нить не была верёвкой, привязанной к её камере. Она была привязана к ней самой. Если Эйру переведут, он пойдёт следом, как собака на поводке.

Если её казнят…

Он не дал этой мысли закончиться. Вместо этого развернулся и пошёл обратно, к лестнице, сам не зная зачем. Ноги несли его вниз, к тёмному коридору второго яруса, где в воздухе стоял запах сырого камня и серебряной пыли, и боль с каждым шагом таяла, как тает лёд на ладони.

Он остановился перед дверью камеры. Не открыл. Просто стоял, прислонившись плечом к стене, и слушал. За дверью было тихо. Но он слышал её дыхание, медленное, прерывистое: так дышат те, кто засыпает со слёзами. Не ушами. Нитью.

Две минуты, думал он. Только две.

Он простоял пятнадцать.

Гедеон принимал в верхних покоях Башни, где всегда пахло воском и сухими яблоками. Каэлан поднимался по винтовой лестнице и считал ступени, чтобы не думать. Когда ступеней стало девяносто четыре, он понял, что идёт, как на казнь. И разозлился на себя.

Покои были тёплыми. В камине горел огонь, на столе лежали книги, стояла чаша с мёдом и два глиняных кубка. Великий Трибун сидел в кресле у камина, в простой белой рясе, и держал на коленях раскрытый молитвенник. В свете пламени его седые волосы казались серебряными.

— Ты поздно, дитя.

Гедеон никогда не повышал голоса. Он всегда говорил тихо, чуть растягивая слова, так, что собеседник невольно наклонялся ближе. Когда-то давно, мальчиком, Каэлан думал, что так говорят боги.

— Допрос затянулся, наставник.

— Садись. Выпей. Ты бледен.

На столе стояли два кубка. Оба были полны. Каэлан отметил это про себя машинально, как отмечал всё, и не стал думать.

Он сел. Взял кубок. Это был горячий настой с мёдом и мятой, такой, какой Гедеон готовил ему в детстве, когда после смерти матери Каэлан не мог спать. Он помнил этот вкус лучше, чем собственное имя.

— Расскажи мне об осквернённой, — сказал Гедеон.

Каэлан рассказал. Коротко, по пунктам: имя, возраст, лечение девочки на улице Скорняков, признание в колдовстве, отказ называть других ведьм. Рассказывал ровно, без эмоций, как умел. Гедеон слушал, склонив голову, и время от времени кивал.

— Она дочь Исольды Вельтрау, — сказал он, когда Каэлан замолчал.

— Да.

— Ты помнишь Исольду?

Каэлан помнил. Ему было девятнадцать, он стоял на краю Кострового Поля в новом плаще Ордена, и смотрел, как горит женщина. Она пела. Он до сих пор слышал этот голос в тишине. Тогда он стоял и не мог пошевелиться, а по лицу текли слёзы, и он надеялся, что никто не заметит. Рядом, на траву, упала маленькая девочка, и он подхватил её, не глядя, и отпустил.

Зачем он вспомнил это сейчас?

— Помню, — сказал он вслух.

— Хорошо. — Гедеон помолчал. — Дариус говорит, что ты слишком мягок с осквернёнными.

Каэлан отпил из кубка.

— Молот Вальц не одобряет мои методы с первого дня.

— Он считает, что ты предпочитаешь разговоры дыбе. Что это слабость.

— Разговоры дают правду. Дыба дает признание.

— Я знаю. Потому и учил тебя так. — В голосе Гедеона прозвучало что-то тёплое, почти отеческое. — Дариус честен, но прямолинеен. Ты умнее. Поэтому я и поручил эту ведьму тебе.

— Почему именно её?

Гедеон поднял глаза. Бледные, почти прозрачные, они смотрели на Каэлана с мягким вниманием.

— Потому что она особенная, дитя. Мне нужно, чтобы ты понял её. Чтобы ты узнал, на что она способна.

Паузу заполнило потрескивание огня.

— Ты ничего не почувствовал, дитя?

Каэлан замер с кубком у губ.

Вопрос был задан так мягко, так обыденно, что на мгновение он решил, что ослышался. Ничего не почувствовал. Не «что произошло», не «как прошёл допрос». Именно «ничего».

В груди тихо, ровно, как удар колокола, пробилась мысль: *Тобиас стоит в камере у ведьмы. Больше никто не знает.*

И следом, ещё тише: *Откуда Гедеон знает, что нужно спросить?*

Он мог сказать правду. Рассказать про нить, про свет, про двести шагов. Гедеон был его наставником, единственным человеком, который не бросил его после смерти отца, который научил его читать, молиться и держать в руках оружие. Каэлан всю жизнь говорил ему всё.

— Нет, наставник, — сказал он.

Голос не дрогнул. Каэлан сам удивился, как легко это вышло. Он впервые в жизни солгал Гедеону Марвису, и ничего не случилось: огонь горел, мёд стыл в кубке, и в камине треснуло полено.

Гедеон смотрел на него ещё секунду. Потом улыбнулся.

— Хорошо.

Всего одно слово. Но Каэлан слышал в нём странное, довольное облегчение, как у человека, который получил именно тот ответ, которого ждал.

— Браслеты не беспокоят тебя?

Вопрос прозвучал небрежно, между делом, как спрашивают о погоде. Каэлан не пошевелился, но рука под рукавом словно налилась свинцом.

— Нет, наставник. А что?

— Сегодня холодно. Металл в холода бывает капризен. — Гедеон отложил молитвенник и сложил пальцы домиком. — Они держат тебя двадцать два года. Твой отец, мой старый друг, заказывал их у лучшего мастера Соль-Маре. Он сказал, что они выдержат всё.

— Я знаю.

— Всё, кроме тебя самого, — мягко закончил Гедеон. — Однажды ты вырастешь из них, дитя. Но не сегодня. Пока ты слушаешь меня, они держат.

Это было сказано ласково. Но Каэлан слишком хорошо знал голос Гедеона, чтобы услышать в нём одну только ласку. Это была ласка, в которую вплетена нитка серебра.

— Я всегда слушаю вас, — сказал он.

— Я знаю. — Гедеон улыбнулся. — Это самое ценное, что у меня есть.

— Береги её, — сказал Гедеон, возвращаясь к молитвеннику. — Она нужна нам живой. До слушания и после. Что бы ни случилось, пусть с ней ничего не случится. Ты меня понял?

— Да, наставник.

— Иди, дитя. Отдохни.

Каэлан встал. Поклонился. Дошёл до двери и взялся за ручку. На пороге обернулся, сам не зная зачем.

Гедеон сидел в кресле, залитый огнём, и читал. Тихо шевелил губами. Лицо у него было спокойное, умиротворённое, как у человека, которому только что сообщили добрую весть.

На столе стоял пустой кубок. Его собственный. Кубок, из которого он пил, был горячим, когда он взял его в руки: над ним ещё поднимался пар.

Каэлан провёл во дворе почти час. Никто не знал, когда он поднимется наверх. Никто не мог знать. Но Гедеон налил мёд так, словно заранее знал, в какую минуту он войдёт.

Каэлан вышел и осторожно, без стука, закрыл за собой дверь.

На лестнице, на девяносто четвёртой ступени, он остановился и прижал ладонь к правому запястью, под которым горел свежий шрам. Нить, невидимая и теплая, тянулась вниз, на второй ярус, к женщине, которая спала в камере и видела во сне, наверное, свой огонь.

Гедеон знал, подумал он. И впервые в жизни испугался за то, что наставник сделает с ней дальше.

Его комнатой была келья в северном крыле: койка, стол, полка с тремя книгами и серебряный знак Ордена над дверью, который он никогда не снимал, потому что снять значило бы объяснять.

Каэлан запер дверь. Сел на койку. И только тогда расстегнул браслет.

Правый, «Молчание», он не снимал двадцать два года. Металл тянул, будто врос. Каэлан придержал край пальцами, сдвинул вверх и несколько секунд просто смотрел.

Под серебром, на внутренней стороне запястья, горела спираль. Тонкая, красная, безупречно ровная. Свежий ожог, который болел не так, как должен был.

Он знал этот рисунок. Видел его сегодня на чужой коже.

— Нет, — сказал он вслух. И замолчал: голос в пустой келье прозвучал слишком громко.

Он вернул браслет на место, лёг на спину и уставился в потолок. Нужно было прочесть вечернюю молитву, как каждую ночь с двенадцати лет. «Свет един, и тот, кто идёт в свете, не знает страха». Он начал. Дошёл до слов «не знает страха» и замолчал, потому что это стало неправдой ещё сегодня.

Тогда он закрыл глаза и позволил себе подумать о матери.

Лианна Дорн умерла от лихорадки, когда ему было двенадцать. Так сказал отец, так сказал Гедеон. Каэлан помнил её руки, мягкие, чуть холодные, помнил, как она читала ему перед сном и как однажды шепнула на ухо: «Если с нами что-то случится, не бойся. Нить найдёт тебя». Он тогда не понял. Решил, что это колыбельная.

Колыбельная.

Он открыл глаза.

Тишина в келье была не пустой. В неё, тихо, издалека, вплеталась мелодия. Без слов. Женский голос, молодой, чуть хриплый от усталости, пел где-то на самом краю слуха, и Каэлан слышал его не ушами. Он слышал его там, где натянулась Нить.

Эйра спала в камере этажом ниже, и ей снился огонь.

Он узнал эту мелодию раньше, чем понял, что узнаёт. Пятнадцать лет назад на Костровом Поле её пела женщина, привязанная к столбу. Он стоял в толпе в новом плаще и не мог пошевелиться. А рядом упала маленькая девочка, и он поднял её, не глядя, потому что смотрел только на огонь.

Девочка была с чёрными волосами. Она пахла дымом. И на её запястье, когда он ставил её на ноги, мелькнуло что-то золотое.

Каэлан сел. Сердце колотилось.

Нет. Не может быть. Это совпадение.

Но мелодия не стихала, и в ней, как в зеркале, он слышал всё, чего не должен был слышать: страх, который никогда не скажется вслух, любовь, которую у неё забрали, и тоску, такую знакомую, что хотелось закричать.

Он просидел так до рассвета. Не молился. Слушал.

Когда за узким окном посерело, в дверь постучали. Каэлан открыл уже в плаще, с застёгнутыми перчатками, и лицо у него было такое, будто ничего не произошло.

— Господин Дорн, ведьма всю ночь пела, — сказал Тобиас. — Стража жалуется.

— Что она пела?

— Не знаю. Без слов. Какая-то колыбельная.

— Пусть поёт, — сказал Каэлан. — Скажи им, пусть не трогают.

Тобиас уставился на него, потом кивнул.

Глава 3. Камера

Эйру разбудил запах хлеба.

Она лежала на узкой койке под колючим шерстяным одеялом, которого не помнила, и несколько секунд не понимала, где находится. Потом вспомнила: Башня, допросная, золотая нить. Она резко села, и голова закружилась.

Камера была маленькая, но сухая: пять шагов в длину, три в ширину, койка, ведро, табурет и дверь с зарешёченным окошком на уровне глаз. Под потолком темнела узкая прорезь, и кто-то открыл её, так что утренний воздух гулял по камере и выдувал остатки серебряной пыли. Магия внутри Эйры, придавленная вчера, дышала чуть легче.

На табурете стояли кружка воды, миска каши и краюха хлеба. Рядом, прижавшись спиной к стене, сидел Тобиас и смотрел на неё так, будто она была чем-то средним между привидением и диким зверем.

— Вы проснулись, — прошептал он.

— Похоже на то. — Голос у неё был хриплый. — Ты давно здесь?

— С рассвета. Господин Дорн велел проследить, чтобы вам принесли еду. И чтобы окно было открыто. И одеяло… — Он покраснел до оттопыренных ушей. — Одеяло моё, если честно. Вы не думайте, я его стирал.

Эйра посмотрела на одеяло. Потом на Тобиаса.

— Сколько тебе лет?

— Девятнадцать.

— И ты служишь человеку, который сжигает ведьм.

— Я служу господину Дорну. — Он сказал это с неожиданным достоинством. — Он никого не сжёг. То есть его подписи нет ни под одним приговором. Я проверял.

— Проверял?

— В архиве. Из любопытства.

Она хмыкнула и взяла хлеб. Он был тёплый, с хрустящей коркой, и пахнул так, как пахло у них в доме по праздникам, когда мама пекла яблочный пирог с корицей и лимонной цедрой. Эйра закрыла глаза и на секунду позволила себе вдохнуть этот запах до самого дна.

— Что вчера было? — спросила она, открыв глаза. — После. Я, кажется, упала.

Тобиас замялся.

— Господин Дорн сказал, что вы пытались колдовать и серебро отозвалось. Что вы потеряли сознание от пыли. — Он снова покраснел. — Я так и записал.

— А было не так?

— Не знаю. Я видел, что у вас рука светилась. И что у господина Дорна было лицо… — Он замолчал.

— Какое?

— Как у человека, которого ударили в живот. И он хотел что-то сказать, но не знал что.

Эйра отложила хлеб.

— Когда слушание?

— Через три дня. — Он понизил голос ещё больше. — После приговора по закону семь дней на покаяние. Это значит, что вы… то есть что у нас… Простите. Я не умею такое говорить.

— Ты прекрасно говоришь. Просто честнее, чем здесь принято.

Тобиас поднялся, одёрнул куртку и у двери остановился.

— Вы ночью пели, — сказал он. — Стража жаловалась. Господин Дорн велел вас не трогать.

— Я пела?

— Всю ночь. Без слов.

Он вышел. Щёлкнул замок. Эйра осталась сидеть с куском хлеба в руке и ощущением, будто кто-то приоткрыл дверь в комнату, о существовании которой она забыла.

Мама пела эту мелодию каждый вечер. Эйра не пела её пятнадцать лет.

Запястья болели.

Кандалы оставили на них красные, воспалённые полосы с волдырями, и каждый раз, когда она шевелила пальцами, кожа лопалась и саднила. Эйра смотрела на них минут десять и спорила сама с собой.

Первое правило Бриты: не называй имён. Второе: не колдуй при свидетелях. Свидетелей в камере не было. Только узкая дверь, зарешёченное окошко и коридор за ним, в котором шаркала стража.

И окно открыто, и пыль выдуло. И рука болит.

Плата будет маленькой, решила она. Ожог не рана. Крохотная нить, крохотный долг.

Она села на койку, положила ладони на колени и закрыла глаза.

Чужая магия называла это «плести». Эйра никогда не любила слово: оно звучало слишком красиво. На деле это было похоже на то, как ищешь в тёмной комнате выключатель, которого нет: сначала пустота, потом сквозняк, потом под пальцами нащупывается тонкая тёплая прядь. Её собственная жизнь, прохладная под кожей и туго натянутая. Нужно было потянуть, подогреть, прижать к больному месту и отпустить.

Пряди откликнулись неохотно, как под толстым слоем ваты. Серебро в воздухе ещё держалось: не пыль, а память о ней. Эйра нахмурилась, потянула сильнее и почувствовала, как в груди что-то сдвинулось и ушло. Тёплое, привычное. Плата.

На запястьях кожа стянулась, побледнела и затихла.

Она открыла глаза. Красные полосы стали бледно-розовыми, волдыри рассосались. Эйра вздохнула с облегчением и потянулась за хлебом: пальцы не болели, и это стоило любой цены.

Она откусила кусок. Хлеб был тёплый, с хрустящей коркой, но пах хлебом. Только хлебом.

Эйра замерла.

Она попыталась вспомнить: яблоки, корица, лимонная цедра, запах, который стоял в доме весь день перед праздником. Она помнила, что он был. Помнила слова: «яблочный», «тёплый», «с корицей». Помнила, как мама смеялась, когда Эйра лезла пальцем в тесто. Не помнила только запаха.

Она жевала хлеб и пыталась нащупать пустоту, как языком нащупывают место, где был выбит зуб. Ничего. Ровная, гладкая, чистая пустота.

— Дёшево отделалась, — сказала она вслух. Голос не дрогнул, и она сама ему удивилась. — Ожог за пирог. Выгодная сделка.

Она доела хлеб, всё до крошки, потому что не хотела ничего оставлять от этого утра. Потом сидела, обхватив колени, и смотрела на полосу света на полу. Плакать было нельзя. Для слёз нужна причина, а она и сама не знала, чего ей жаль больше: пирога или того, что пирогов было ещё много, и она теперь не узнает, сколько их потеряет.

Чужое чувство пришло в полдень.

Эйра сидела на койке и считала трещины на потолке, когда её накрыла холодная, сдавленная ярость, такая сильная, что кружка выпала из пальцев. Вода растеклась по полу. Эйра не успела ничего подумать: злость была не её. Она была тяжёлая, ровная, с привкусом металла, и от неё сводило зубы.

Дорн.

Она прижала ладони к вискам. Это было так, как если бы кто-то прошёл по комнате, о которой она не знала, и хлопнул дверью. Ярость длилась минуту, потом схлынула, оставив после себя усталое, тупое, горькое послевкусие: *опять. Всегда одно и то же.*

С кем он спорил? Из-за чего? Эйра не знала. Но знала главное: он был где-то рядом, в той же Башне. Чувствовала его, как чувствуют занозу: не видишь, а знаешь, с какой стороны болит.

К вечеру она научилась различать оттенки. Утром от него тянуло недосыпом и чем-то похожим на стыд. В полдень был гнев. После обеда пришла глухая, тихая тревога, которая не рассасывалась и не усиливалась. Тревога человека, который ходит по комнате и думает.

Он чувствует то же самое про меня, сообразила Эйра.

Она невольно улыбнулась. Весь день она сидела в камере и чувствовала чужую злость, а он, наверное, сидел за столом с каменным лицом и чувствовал, как у неё болят запястья, как ей хочется плакать, как она считает трещины. Весь Трибунал, которому поручено её допрашивать, не может спрятаться от собственного допрашиваемого.

Это было почти смешно.

Эйра попробовала. Закрыла глаза и представила тёплый очаг, шерстяное одеяло, мамину мелодию. Не пела, просто держала в голове, как держат огонёк в ладонях. И через несколько минут получила ответ: слабый, осторожный отклик, как ответный стук в стену. Не слова. Ощущение, будто кто-то глубоко вздохнул и расправил плечи.

Я успокаиваю инквизитора, подумала Эйра. Мне нужно срочно поговорить с Бритой.

Пепел прилетел после полудня, когда тень решётки на полу подошла к койке.

Она услышала лёгкий стук когтей по камню, потом шорох и хриплое «крррь». Воронёнок, теперь уже почти взрослый ворон, сидел на подоконнике снаружи, протиснувшись между прутьями, и смотрел блестящим чёрным глазом. Белое пятно на груди белело в сумерках, как последняя звезда перед рассветом.

— Ты дурак, — шёпотом сказала она. — Тут серебро. Тебе нельзя.

Пепел дёрнул головой. В клюве у него блестела пуговица, медная, сорванная с чьего-то кафтана, и он сунул её в прорезь, сквозь решётку, с видом правителя, держащего казну в клюве. Пуговица звякнула о камень и покатилась к её ногам.

— Спасибо, — выдохнула она.

Ворон стряхнул перья, будто говорил: *это только начало*. Потом взмахнул крыльями и улетел, и одно перо, чёрное, с синеватым отливом, осталось на подоконнике.

Эйра долго держала его в руке. Третье правило Бриты: *если можешь выжить, выживай*. Она всю жизнь следовала этому правилу и впервые задумалась, что в нём не хватает одного слова: *с кем*.

С кем ты выживаешь? С кем можно?

Перо лежало у неё на ладони лёгко, как дыхание. Нить под рёбрами дрогнула, и она именно тогда поняла, что чувствует не просто чужую злость или тревогу. С той стороны тоже кто-то любопытствовал. Точно так, как любопытствует человек, нашедший в кармане вещь, которой туда не кладут.

— Я не вещь, — недовольно сказала она вслух.

Нить тут же затихла, смущённая. И Эйра впервые за два дня улыбнулась по-настоящему.

Второй гость пришёл на закате, и Тобиас, дежуривший у двери, вскочил так резко, что опрокинул табурет.

Эйра не видела, кто там. Она услышала шаги: тяжёлые, неторопливые, с чуть шаркающей левой ногой. Потом глазок в двери потемнел, и в камеру вполз запах кожи, конского пота и оружейного масла.

— Свободен, мальчик, — сказал низкий голос.

— Господин Вальц, мне велено…

— Тебе велено стоять у двери. Вот и стой. Только с той стороны коридора.

Тобиас ушёл. Эйра слышала, как он отступил на десять шагов и замер, как собака, которую отогнали от миски.

Она не встала. Сидела на койке, обхватив колени, и смотрела на тёмный прямоугольник в двери.

— Говорят, ты упала в обморок от серебра, — сказал Вальц. — Люди слабеют от серебра. Ведьмы — тем более. Это нормально. Ненормально, что к утру ты сидела с ясными глазами и не просила воды.

— Я просила. Мальчик принёс.

— Мальчик принёс. — Он усмехнулся. — Дорн приказал его прислать. Дорн вообще много приказывает для человека, который вторые сутки не может закончить допрос.

Эйра промолчала. Нить под рёбрами сжалась, и она вдруг почувствовала, что в другой части Башни кто-то остановился посреди шага. Холод. Тугой, как струна. Каэлан знал, кто стоит у её двери. Откуда он знал, она не поняла.

— Я не любитель долгих бесед, — продолжил Вальц. — Я люблю короткие. Ты называешь мне имена тех, кто прятал тебя двенадцать лет, и я ухожу. Ты не называешь, и завтра на рассвете я прихожу с Трибунальским разрешением на усиленный допрос. Дорн его не подписал. Он будет недоволен. Но разрешение подписал Светоносный, а против Светоносного Дорн не пойдёт.

Усиленный допрос. Эйра знала, что это значит. Знала с двенадцати лет: из подвала Бриты слышно было, что говорят в городе.

— Какие имена? — спросила она ровно.

— Любые. Мне хватит одного.

— У меня нет имён.

— У всех есть. — Он помолчал. — Знаешь, что я заметил на допросе? Руки Дорна. Он носит серебряные браслеты не потому, что слаб. Он носит их потому, что боится себя. Тридцать лет Орден растил из него чистое оружие, и вдруг оказалось, что внутри у оружия что-то шевелится. Он мягок, ведьма. Мягок, как хлеб. А я делаю свою работу так, как её делали при покойном Светоносном: быстро и без размышлений.

— Зачем вы мне это говорите?

— Затем, что завтра на рассвете твой хлебный инквизитор будет занят, — сказал Вальц очень спокойно. — А я нет.

Глазок посветлел. Шаркающие шаги ушли, и тишину заполнило только частое дыхание Тобиаса в конце коридора.

Эйра сидела неподвижно. Потом поняла, что трясутся руки, и сцепила их на коленях. Нить дрожала вместе с ней, но дрожь шла не только от неё: чужая ярость, тихая и ледяная, накатывала волнами, и вместе с ней что-то вроде стыда, будто он слышал каждое слово и ничего не мог сделать.

Они разговаривали, а он стоял где-то и слушал мой страх, подумала она. Какая прекрасная пара.

Она легла, подтянув колени к груди, и стала считать, сколько часов осталось до рассвета. Выходило мало.

Он пришёл поздно, когда в коридоре погасили все факелы, кроме одного.

Шаги были медленные, ровные, и Эйра узнала их раньше, чем увидела тень в окошке. Она не двинулась с койки.

— Вы не спите, — сказал голос из-за двери.

— А вы знали, что не сплю?

Пауза.

— Знал.

Она встала, подошла к двери и прислонилась лбом к холодному железу. Через решётку был виден кусок плаща, серебряное солнце и тёмный силуэт без лица.

— Знаете, инквизитор, это очень неудобно, — сказала она. — Я весь день чувствую, как вы злитесь.

— Я не злился.

— В полдень. Тихо, холодно, зубы стиснуты. Кружку я из-за вас уронила.

— Это называлось совещание.

— Верю.

Он молчал. Эйра слушала его дыхание и вдруг поняла, что слушает его не ушами. Ровное, медленное, чуть натянутое. Он стоял по ту сторону двери и держался за стену, как человек, который не хочет показывать, что ему нужна опора.

— Вам нужно сесть, — сказала она.

— Мне нужно задать вам несколько вопросов.

— Тогда садитесь и спрашивайте. Пол холодный, но вы, я думаю, переживёте.

Скрипнуло. Кажется, он правда сел. Силуэт пропал из окошка, и голос теперь шёл снизу, глуше.

— Вчера вы сказали, что это стоит вам воспоминаний. Вы колдовали сегодня?

Эйра чуть не рассмеялась.

— Откуда…

— Утром вы вдруг испугались. Так, словно потеряли что-то. Потом смирились.

Она села на пол по свою сторону двери. Теперь их разделяла тонкая стена из доски и железа, и голос его был так близко, будто он шептал ей на ухо.

— Запах, — сказала она. — Маминого пирога.

Он ничего не ответил. Но Нить дрогнула, и Эйра почувствовала то, что чувствовал он: тихий укол жалости, такой острый, что у неё самой сжалось горло. Не к ней. К чему-то, что он не мог назвать.

— Не надо, — быстро сказала она. — Я не люблю, когда меня жалеют.

— Я не жалею.

— Вот и не надо.

Снова молчание. Потом он спросил:

— Что значат слова «Нить найдёт тебя»?

Эйра вздрогнула. Спина её прижалась к двери.

— Откуда вы…

— Вы повторяли их во сне.

— Вы не должны были слышать.

— Я не слышал. — Голос стал тише. — Чувствовал.

Она несколько секунд молчала. Потом сказала, коротко, чтобы не сорваться:

— Это последнее, что сказала мне мама. На Костровом Поле. — Она подняла левую руку и посмотрела на спираль. — Взяла меня за руку, и вот.

Каэлан молчал так долго, что Эйра решила: он ушёл. Но Нить не ослабла. Он был там, прямо за дверью, и она чувствовала, как в нём что-то натягивается, как верёвка.

— Моя мать говорила мне то же самое, — наконец сказал он.

Эйра перестала дышать.

— Что?

— Незадолго до смерти. Наклонилась и сказала на ухо: «Если с нами что-то случится, не бойся. Нить найдёт тебя». Мне было двенадцать. Я решил, что это колыбельная.

— Ваша мать…

— Умерла от лихорадки.

Прозвучало это ровно и сухо, как цитата из протокола. Но Эйра слышала то, что стояло за словами. Не горе: старый, ржавый, неотвязный вопрос, который не задавали вслух двадцать два года.

— У моей мамы не было лихорадки, — тихо сказала она. — Её сожгли.

— Я знаю. Я читал материалы.

— Вы читали материалы, — повторила Эйра. — Конечно. Вы же человек, который не ошибается.

— Я не ошибаюсь, потому что проверяю дважды. — Он помолчал. — Я проверил и вашу мать, и свою. Но у меня нет оснований думать, что эти две вещи связаны.

Она уловила в голосе крошечную нотку. Не ложь, но осторожность, как у человека, который идёт по тонкому льду и боится услышать собственный шаг.

— Вы думаете, что связаны, — сказала она.

— Я думаю, что слово «совпадение» перестало мне нравиться ещё вчера.

Эйра улыбнулась в темноте. Против воли, сама не зная почему.

— Вы понимаете, что говорите ведьме, будто ваша мать, возможно, тоже… — Она не договорила.

— Вы тоже не договариваете, — заметил он. — Хорошо. Я не прошу назвать мне других. Мне не нужны имена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.